

1889, 26 марта

Н. В. Государем Императором. По крайней мере, оно не затеряется для общества в какой-нибудь частной галерее, из которых большая часть закрыта для публики, за исключением радушно открытой для всех галереи г. Третьякова. А. М.

Мас. № 1353

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Сибирский Вестник».

На сцене Александринского театра 31-го января текущего года была поставлена, в бенефис режиссера О. Л. Олendorфа-Юрковского, драма г. Антона Чехова: «Иванов»; она была хорошо разыграна и произвела некоторую сенсацию. О драме и ее постановке довольно оживленно говорили в некоторое время и в газетах, и в обществе. В этих разговорах трудно было разобраться, потому что они были довольно противоречивы. Мы слышали таинственных, которые превозносили драму, как произведение, выходящее из ряду прочих, говорили, что с ней должно начаться процветание нашей драматической литературы, как-то печально захудавшей в последнее время. Но большинство, наоборот одобряя игру артистов, о драме высказывали довольно сдержанное мнение: талантливости автора и многих достоинств его первого драматического произведения не отрицали и хладнокровные критики, но указывали и весьма серьезные недостатки, при которых драма уже не являлась перлом художника. Первое, несказанное и бездарное произведение, конечно, не способ никакая обстановка и никакая игра. Но к произведению с задатками и достоинствами разумная и талантливая игра артиста придаст очень много. Такие произведения для правильного и безпристрастного суждения об их литературном значении надобно перечитывать спокойно, забывавая театр и игру артиста. Драма г. Антона Чехова появилась теперь, в мартовской книжке «Сибирского Вестника». Мы ее прочитали и перечитали и намбравшемся в настоящем обозрении кратко сообщить свои впечатления от чтения.

Первое, что прямо чувствуется при чтении, это то, что в смысле языка, слога, изложения, или как хотите назовите, драма г. А. Чехова написана прекрасно; так действительно говорить, это живой разговор. Мы обращаем, повидимому, внимание на мелочь. Но эта мелочь важна и во всяком литературном произведении, и в драматическом произведении эта мелочь может и возвысить ибну, и убить произведение. Правильности языка соответствует и полная правдивость содержания: вы ни на минуту не сомневаетесь, что и такие лица точно есть и такие поступки бывають, они не вымышлены, не сочинены. Вот и еще достоинство и достоинство очень крупное. Хотите и еще есть нечто, что подбуждает и возбуж-

дает интерес: это, как бы выразиться, современность драмы и ее соответствие эпохе дня. Прежде все были демонические натуры, теперь захудалый, золотушный род, какие-то надорванные и задавленные чьим-то теперь даже Печорины перевелись, и чаще всего встречаются Ивановы. Да, такие люди, как Ивановы, есть, они составляют явление вседневное, обычное, заурядное. Мы представили такие крупные достоинства нового произведения г. А. Чехова, что нас сейчас-же можно зачислить в разряд его самых горячих почитателей. «Если все вышеуказанные элементы есть в новом произведении г. А. Чехова, то, конечно, оно образцовое», сдѣласть кто-нибудь выводъ. Но мы против этого будем протестовать. Признавая все вышеуказанные достоинства за произведением г. А. Чехова, мы говоримъ, что в немъ все хорошо, — и драмы нѣтъ: оно ни по характеру героя, ни по развитію дѣйствій не имѣетъ ничего драматическаго. Не будемъ говорить, что такое драма, какия свойства произведений этого рода, и какия требованія предъявлять эстетика къ драматическому произведению. Не будемъ говорить объ этомъ, чтобы сейчас-же насъ не обвинили въ шклярствѣ и схоластикѣ. Свою мысль мы можемъ высказать и просто, безъ эвексурій въ области словесности и эстетики. Будемъ говорить только о впечатлѣніи. Ивановъ застрѣлился, застрѣлился предъ тѣмъ, какъ нужно было ѣхать въ церковь. Конечный герой ужасный — это трагедія. А не помните-ли вы Подколесина, который находился предъ бракомъ тоже въ очень затруднительномъ положеніи и разрывалъ дѣло иначе: онъ выпрыгнулъ въ окно — и вышла

№ 13. с. 219

комедия. Намъ совсѣмъ повятели. Подколесинъ и мы готовы отъ души посѣловать людей его положеніемъ. Но мы не совсѣмъ понимаемъ, чѣмъ, собственно, вызвана смерть Иванова и, вмѣсто того, чтобы сочувствовать и плакать, мы начинаемъ разсуждать. Отъ чего-же это сейчасъ застрѣлился Ивановъ? Конечно, не отъ того, что его сейчас-же обругали землемѣръ Евгений Константиновичъ Львовъ и выразились въ немъ вслухъ, въ глаза, самое дурное мнѣніе. Эта мнѣнія ему приходилось выслушивать не одинъ разъ. Къ тому-же Ивановъ прѣехалъ за тѣмъ, чтобы застрѣлиться и захватить съ собою необходимыми для сего инструмента. Конечно, и не отъ того застрѣлился, что предъ бракомъ замѣтилъ въ своей шее сѣдые волосы; съ этимъ украшеніемъ очень можно жить. Онъ созналъ сейчасъ, что онъ для жизни не годенъ и не можетъ составить счастье своей невестѣ; вотъ причина катастрофы. Думайте, сколько уродно; драма даетъ на все общіе намеки и ни на что не даетъ положительнаго отвѣта. Трагическая развязка заявляется неотвратимой необходимостью. А поэтому она насъ и не трогаетъ, не увлекаетъ и, пожалуй, только даетъ поводъ къ резонерству. Обстоятельства Иванова въ концѣ драмы несколько не изменились, они, если хотите, улучшились. Но если

ему нужно было застрѣлится, такъ онъ могъ это сдѣлать кстати въ началѣ драмы. Но тогда по было-бы и драмы въ четырехъ дѣйствіяхъ. Почему-бы не поправить дѣло такъ: пусть онъ женится и потомъ застрѣлится. Молодая жена, начало новой жизни — и онъ застрѣлится! Это, пожалуй,—еще забористѣй въ трагическомъ отношеніи. Въ драмѣ дѣйствіе не развивается съ необходимостью и даже, говоря строго, ~~составляетъ дѣйствіе~~ дѣйствіе. А какъ имъ относиться къ герою? Сочувствуете ему — любите или ненавидите его? Конечно, по человечеству, его жаль. Но онъ насъ ничѣмъ не трогаетъ. Дѣйствія и борьба онъ не производитъ.

Правда, вамъ доводилось извѣстно, что ему скучно, какъ-то по по себѣ; онъ съ самаго начала драмы скучаетъ и страдаетъ. Мы гдѣ страдаемъ умѣемъ понимать и описывать, которыхъ причину видимъ и понимаемъ. А отчего, собственно, и какъ захудалъ Ивановъ мы въ драмѣ не видимъ. Намъ докладываютъ, что онъ надорвался, стало быть, жизнь его нелегка. Такие люди бываютъ и ихъ много; всѣхъ можно помѣстить въ больницу, но въ трагедію не всѣ годны. Въ трагедію годятся только трагическіе характеры. Слабосильный человекъ, отъ природы размазня, право, не годится въ трагедію. Мы можемъ такихъ людей показать, снисходительно, но трогать насъ они не могутъ: кляча и есть кляча, и тогда только обратимъ на нее вниманіе, когда знаемъ, что она пала отъ природы добрымъ конемъ. Мы не знаемъ, отчего надорвался Ивановъ, но знаемъ разбѣроу его силъ прежде и теперь онъ является передъ нами только клячею. Чему тутъ сочувствовать? Если у Редивилда будетъ въ карманѣ его рублей, мы поймемъ, что онъ потерялъ многое, несчастенъ, а другое, обладающее такою суммою, не могутъ возбудить нашего горя. Мы сводимъ свою рѣчь къ тому, что произведеніе г. Чехова не имѣетъ драматическаго дѣйствія и драматическаго героя. „Но, говорить, что-то и хорошо; это новая манера. Авторъ показываетъ намъ яркую пустоту жизни и окружающей обстановки, въ которой надрыгаются люди, и Ивановъ онъ захудалого, надорваннаго отъ неуспѣха припротѣлся къ жизни русского интеллигента“. Эта тема прекрасно разработана въ нашей художественной

литературѣ: такую жизненную обстановку и такіе типы прекрасно очертили наши балетристы въ романахъ и въ повѣстяхъ. Мы думаемъ, что и г. Чеховъ, по своему таланту и умѣнию, побѣдилъ бы въ труднѣйшій въ эническомъ произведеніи, а въ драмѣ у него чего-то не достаетъ и, пожалуй, многого не остается. Есть правда и намеки на правду, но нѣтъ определенности и выразительности. Мы слышали вопросъ въ разговорѣ: „Честный ли человекъ Ивановъ?“ Вопросъ, конечно, наивный и не совсемъ подболъ къ оцѣнкѣ драматическаго героя. Но онъ показываетъ намъ характернымъ признакомъ того, что дѣлательно въ героя мало индивидуальности, и читатель не представляетъ его ясно, герой не производитъ определенного впечатлѣнія на читателя. Отнѣхъ определенностей въ драмѣ не мало; возьмемъ для примѣра отношеніе Иванова къ женѣ его. Она для него пожертвовала вѣрою, родными, богатствомъ. Еще языки говорятъ, что онъ женился на ней для

ЖИВОННОЕ ОБОЗРЕНІЕ

денегъ; мы не будемъ раздѣлять такое извѣщеніе, но почему онъ теперь не разлюбливаетъ жену? Онъ такъ оскорбляется? Наконецъ, какъ онъ относится къ ее смерти? Что-то не ясно, что-то не ладно. Мы знаемъ, что читатели драмы сейчасъ же объяснятъ намъ все это, да мы и сами найдемъ въ драмѣ намеки и объясненія на многое. Но самая необходимость некихъ объясненій и обдумывать не слѣдуетъ доказательствомъ безукоризненности художественнаго произведенія.

Мы опасаемся, что не достаточно ясно выразили свою мысль о новомъ произведеніи г. Антопа Чехова, и потому и еще разъ повторяемъ, что, не смотря на его недостатки, по нашему личному разсужденію, оно богато и достоинствами, но часто встрѣчающимися у нашихъ многочисленныхъ балетристовъ. Если „Ивановъ“, какъ драма, имѣетъ важные недостатки, во всякомъ случаѣ это и умѣло, и талантливое произведеніе.

П. Скромный.

С. П. Васильевъ